

Европейские хроники

Момент Шмидта в Берлине

Говорят, что для правительства Олафа Шольца в Германии наступил «момент Гельмута Шмидта», поскольку ключевые решения по перевооружению отсылают к исторической фигуре бывшего канцлера и министра обороны. По ходу начавшихся дебатов выяснилось, что этот переломный момент касается всех центров европейского империализма.

Председатель военного комитета НАТО Роб Бауэр заявил, что западные страны должны подготовиться к прямой войне с Россией в ближайшие 20 лет. Поэтому европейским семьям следует запастись «водой, радио и фонариком на батарейках, чтобы прожить первые 36 часов» (*De Telegraaf*, 22 января). Министр обороны Германии Борис Писториус подсчитал, что у армии для подготовки к войне есть 5–8 лет; по мнению министра обороны Дании Троэльса Лунда Поульсена, Россия может напасть ещё раньше – через 3–5 лет. Главнокомандующий Вооружёнными силами Швеции Микаэль Бюден предупредил своих сограждан: «Посмотрите новости об Украине и задайте себе такие простые вопросы: если бы это произошло здесь, был бы я готов? Что я должен делать?». Тем временем дебаты о новых формах военной службы охватили практически все европейские страны.

Исследовательница политики европейской безопасности в Финском институте международных отношений (Хельсинки) Минна Аландер считает, что увещевания о неизбежности войны в основном предназначены для того, чтобы подать «сигнал тревоги», который заложит «основу для аргумента о том, что в будущем нам придётся больше тратить на вооружение». «Танки или детские сады: дебаты по этому вопросу подвергнут общества испытанию», – говорит Аландер (*Süddeutsche Zeitung*, 29 января). Этот комментарий позволяет нам подчеркнуть алармизм, используемый для поддержки реального перевооружения, происходящего в условиях международной ситуации, когда прямое столкновение между великими державами всё ещё маловероятно, но полностью не исключено.

Европейские предложения

В последние месяцы бесчисленные комментарии в европейской прессе призывали к ускорению перевооружения. В оборонной сфере переплетаются стратегические вопросы внешней политики, суверенитета и промышленной политики. Вот почему нынешнее перевооружение характеризуется признаками конкуренции между государствами-членами, а сила европейского федерализма в этом аспекте остаётся открытым вопросом. Это также непростая финансовая проблема: оборонная промышленность, прежде чем расширять свои производственные возможности, требует долгосрочных гарантий заказов.

Комиссар по внутреннему рынку Тьерри Бретон призвал создать Европейский оборонный фонд на сумму 100 млрд евро, однако не уточнил, как его финансировать. Премьер-министр Эстонии Кая Каллас предложила использовать для этой цели евробонды (общий долг), и эта идея получила поддержку президента Франции Эмманюэля Макрона.

В то же время раздаются голоса, призывающие изменить мандат Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), чтобы позволить ему финансировать проекты вооружений. Надя Кальвиньо, президент ЕИБ с января и бывший министр финансов Испании, дала понять, что открыта для такой возможности, хотя её предшественник Вернер Хойер по-прежнему представляет ЕИБ как «климатический банк» (*Handelsblatt*, 9 февраля).

Чтобы централизовать оборонные усилия, Манфред Вебер и Антонио Таяни (соответственно президент и вице-президент Европейской народной партии) предложили создать должность комиссара европейской обороны с бюджетом около 0,5 % ВВП ЕС. Они также поддержали расширение использования голосования квалифицированным большинством вместо единогласного голосования в Европейском совете, чтобы укрепить общую внешнюю политику. Вебер из баварского ХСС и Таяни, нынешний министр иностранных дел Италии и секретарь «Вперёд, Италия!», заявляют, что долгосрочной целью должно быть создание настоящего «Европейского оборонного союза» с вооружёнными силами «на суше, на море и в воздухе», оснащённого «щитом противоракетной и ядерной обороны» (*La Stampa*, 28 января).

Европейское сдерживание

Вопрос о европейском атомном оружии появился в немецкой прессе в конце прошлого года, а затем разговоры последовали в Швеции и Франции. Сильви Кауфман пишет в *Le Monde*, что новизна заключается не столько в том, что Макрон заявил, что «жизненно важные интересы» Парижа имеют «явно европейское измерение», сколько в том, что вопрос задал шведский офицер из Военной академии Карлберг, поинтересовавшийся, есть ли у Франции как единственной ядерной державы в ЕС «чувство ответственности», выходящее за рамки собственной страны. Когда в 2020 г. Макрон предложил начать диалог о придании французскому сдерживанию европейского измерения, ответом других государств было молчание. Сегодня же об этом предложении говорят в Швеции, исторически «нейтральной» стране, готовящейся к вступлению в НАТО. Другая новость заключается в том, что «французские депутаты немедленно воспользовались возможностью осудить предполагаемое изменение доктрины». Действительно, и Марин Ле Пен из Национального объединения, и депутат от «Непокорённой Франции» подвергли критике заявления Макрона в Швеции. «Вторжение России на Украину и возвращение тотальной войны в Европу изменили всё, – заключает Кауфман, – [ядерное сдерживание] вернуло себе центральное место в стратегических дебатах» (*Le Monde*, 8 февраля).

В Германии дебаты не ограничиваются возможностью европеизации французского сдерживания. В выпуске выходного дня, озаглавленном “*Europas Bombe*” (“Европейская бомба”) *Handelsblatt* в основном рассматривала препятствия на пути создания европейского ядерного оружия и европеизации французских *Force de frappe*¹, но приводила аргументы в пользу европейского сдерживания, основанного на британском ядерном оружии. Признавая, что это «дебаты, которые не могут состояться», гамбургская деловая газета не полностью исключила возможность наличия у Германии ядерного оружия. В досье сообщается о дебатах в Южной Корее и Японии: здесь, как и в Германии, угроза со стороны соседних держав, оснащённых ядерным оружием, и сомнения в надёжности американского ядерного щита, подогреваемые призраком возвращения Дональда Трампа, вызвали споры о необходимости собственного ядерного оружия. *Handelsblatt* сообщает своим читателям: «Так же как и Германия, Япония и Южная Корея имеют технологическую возможность в короткие сроки разработать атомные бомбы» (9 февраля). До сих пор по очевидным историческим причинам немецкая пресса избегала явных параллелей между перевооружением Германии и Японии. Это табу разрушил нынешний кризис порядка.

Призрак Трампа

Дебаты о европейском сдерживании продолжились во весь опор после того, как Трамп 10 февраля во время своей предвыборной речи в Южной Каролине заявил, что он не будет защищать страны-члены НАТО, которые не платят «по своим счетам», т. е. выделяют менее 2 % ВВП на оборону. Эта постанова под сомнение статьи 5 НАТО вызвала шок в Европе, тем более сильный, что вероятность победы Трампа на ноябрьских президентских выборах кажется высокой, если не вмешаются другие сенсационные препятствия со стороны судебной системы.

Один из четырёх редакторов *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)* Бертольд Колер призвал европейцев «массово перевооружиться традиционным способом». «Однако, – добавил он, – европейцы также должны иметь в своём распоряжении ядерные силы, способные восстановить баланс страха в Европе, который США нарушают настолько, что Москва не смела и надеяться». Колер исключил возможность появления у Европы ядерного оружия, заявив, что ЕС никогда не сможет по взаимному согласию выбрать, кто сможет держать руку на красной кнопке. Он также намекнул, что из-за возможности победы Марин Ле Пен на следующих президентских выборах во Франции и выхода Великобритании из ЕС идея поставить себя под французский или британский ядерный щит, пожалуй, не является надёжным решением. Молчание правительства Германии по поводу «ещё одного сдерживающего фактора» можно объяснить опасениями, что в долгосрочной перспективе «падёт последнее табу немецкой политики безопасности: отказ от обладания собственным ядерным оружием» (*FAZ*, 13 февраля).

Пушки для “свободы”

Это правда, что Шольц отказался рассматривать какой-либо другой вариант, кроме «продолжения ядерного партнёрства с Соединёнными Штатами в рамках НАТО» (*Die Zeit*, 25 января). Однако его министр финансов увидел в заявлениях Трампа приглашение углубиться в проблему европейского сдерживания. Глава либеральной партии СвДП Кристиан Линднер напомнил о предложении Макрона и высказался за диалог с Парижем и Лондоном о «политических и финансовых условиях», в обмен на которые они были бы готовы «сохранить или расширить свои стратегические возможности коллективной безопасности». «У нас не должно быть иллюзий, – написал Линднер, – пока в мире существует ядерное оружие, Европе тоже придётся иметь систему ядерного сдерживания» (*FAZ*, 14 февраля).

Линднер считает, что в прошлом «дивиденды мира» использовались в первую очередь для увеличения социальных расходов, но сейчас настало время «поворотного момента в финансовой политике». Он утверждает, что фактически мы вступаем в «эру инвестиций в свободу». Это его способ сказать: «Больше пушек, меньше масла». По мнению Линднера, в данный момент не может быть и речи об увеличении долга, а тем более о подписке на евробонды. Посмотрим, долго ли продлится это табу.

Февраль 2024 г.

Handelsblatt от 9 февраля: «Бомба Европы. Почему политики ведут новые дебаты о ядерном оружии – и какую роль в них играет экономика».

---

¹ - Сил ядерного сдерживания.